

К.А. АНИСИМОВ
K.A. ANISIMOV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОДРИСОВ И СКИФОВ В V – IV ВВ. ДО Н.Э. В СВЕТЕ ДАННЫХ ПИСЬМЕН- НЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

POLITICAL AND GENEALOGICAL TIES BETWEEN THE ODRYSIANS AND SCYTHIANS IN THE 5TH-4TH CENTURIES B.C. IN THE LIGHT OF WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Данная статья является расширенным вариантом доклада, представленного на Боспорских чтениях в 2024 году [Анисимов, 2024, с. 16-22]. Тогда внимание было сосредоточено лишь на генеалогическом аспекте рассматриваемой темы. Здесь будет предпринята попытка рассмотреть проблему на более широком фоне, с привлечением археологических данных.

Проблема изучения внешней политики античных государств всегда являлась проблемой, ввиду отсутствия или ограниченности письменных источников. Одрисское царство здесь не является исключением. Наши сведения о внешней политике одрисских царей зачастую ограничиваются информацией, носящей случайный характер. Однако, в случае с одрисами дополнительные возможности для расширения наших знаний относительно их дипломатии открывают археологические находки, а также имена некоторых представителей царского рода. Особенно перспективным в этом отношении представляется тема одрисско-скифских связей.

Скифское царство в Северном Причерноморье появляется практически одновременно с Одрисским царством во Фракии, в конце VI – начале V вв. до н.э.¹ Судьбы правителей этих варварских держав оказались связаны самым тесным образом. К счастью, эти контакты привлекли внимание Геродота. «Отец истории» сохранил информацию о трех эпизодах скифо-фракийских контактов в интересующий нас период: это скифское вторжение во Фракию в 494 г. до н.э. (возможно, таких вторжений было несколько между 513 – 494 гг. до н.э.: Hdt. VI, 40; VI, 83), брак скифского царя Ариапифа и дочери одрисского царя Тереса (Hdt. IV, 80), а также история сыновей Ариапифа и Тереса, датируемых приблизительно между 490 – 440 гг. до н.э. (Hdt. IV, 78 – 80). Обстоятельства событий 513 – 494 гг. до н.э., с которыми мы также связываем заключение брака Ариапифа и одрисской царевны, уже были рассмотрены нами

¹ В это время появляется целый ряд крупных политических объединений на периферии греческого мира и Ахеменидской империи, столкнувшихся тогда же друг с другом. Едва ли мы ошибемся, предполагая прямое или косвенное влияние этих двух сил, на процесс образования государства у фракийцев и скифов. При этом, мы не склонны видеть в этом влиянии причину развития государственности [Анисимов, 2020б].

в специальной работе [Анисимов, 2022а]. Политическим итогом этих событий стало то, что усиливающееся давление скифов на юго-западном направлении столкнулось с одрисской экспансией, вследствие чего устанавливается граница между этими державами по Истру. Эта граница была уже реальностью во времена царя одрисов Ситалка (Hdt. IV, 80; Thuc. II, 97), но очевидно сформировалась еще при царе Тересе, в 90-е – 70-е гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 208; Анисимов, 2022а, с.24].

Согласно сведениям Геродота (Hdt. IV, 78-80), у царя скифов Ариапифа было трое сыновей от разных жен. Первая была родом из греческой колонии Истрия, ее сыном был Скил. От дочери одрисского царя Тереса был сын Октамасад. Наконец, от скифской жены был сын Орик. После убийства Ариапифа агафирсами, Скил стал его наследником. Однако, недовольные приверженностью нового царя греческим обычаям матери, скифы свергли Скила. Власть перешла к Октамасаду. Скил бежал во Фракию, укрывшись у одрисов, которыми правил сын Тереса Ситалк. Скифы преследовали беглеца до реки Истр, где встретились с войском одрисов. Там Октамасад вступил в переговоры со своим дядей, царем Ситалком. Как оказалось, в Скифии скрывался брат Ситалка. В итоге цари договорились об обмене. Ситалк получил своего брата и ушел с ним, а Скил был выдан Октамасаду, который казнил его на месте. Большинство исследователей сходятся во мнении, что данные события имели место не позднее 440 г. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 222-224]. Этот захватывающий рассказ демонстрирует насколько стали переплетены судьбы аристократии двух народов: эллинофил Скил бежал к одрисам, рассчитывая на сочувствие «филафиня» Ситалка. Странствия Скила и брата Ситалка, показывают, что на самых высоких уровнях контакты между царскими скифами и одрисами не были чем-то необычным в описываемое время [Archibald, 1998, pp. 103-105].

Державы одрисов и скифов управлялись аристократическими кланами, которые сосредоточили в своих руках значительную власть над соплеменниками и огромные богатства. Символом экономического и политического могущества этой аристократии как при жизни, так и после смерти стали их курганы. Исследование захоронений позволило существенно уточнить картину взаимодействий этих двух правящих группировок.

Данные археологии и письменной традиции свидетельствуют о том, что связи одрисов и царских скифов осуществлялись почти исключительно на дипломатическом или династическом уровне. В течении V-IV вв. до н.э. практически не было найдено ничего ни в поселениях, ни в захоронениях, что могло бы указывать на регулярные связи между рядовыми фракийцами и скифами. В тоже время, начиная с конца V в. до н.э., захоронения одрисской и скифской аристократии имели много общих внешних символов богатства и власти. Предполагается, что и образ жизни у этих элит, красочно описанный для фракийцев Геродотом, был также близок [Archibald, 1998, pp. 103-105]. Прекрасные изделия из драгоценных металлов, которые находят в их монументальных курганных захоронениях, демонстрируют близкие вкусы и несомненные контакты двух элитных групп в это время. Говоря о культурных связях

двух народов, традиционно отмечалось скифское влияние на фракийцев. Когда речь заходила об общих чертах в культуре фракийцев и скифов, в зарубежной и советской литературе как правило рассматривали эти явления как влияние скифов². О фракийском влиянии на скифов говорится куда реже. Эта проблема получила свое развитие в советской историографии в третьей четверти XX века³. В частности, советскими и болгарскими учеными было выявлено фракийское влияние на скифский звериный стиль IV – III вв. до н.э. (это проявлялось в первую очередь в стиле парадных украшений конского убора из золота и серебра). Советскими археологами в скифских памятниках V – IV вв. до н.э. степной и лесостепной зоны были выявлены несомненные заимствования ряда украшений и предметов быта из Фракии. В свою очередь, ряд предметов вооружения и конского убора из Фракии были определены как скифские или сделанные во Фракии по скифским образцам⁴.

Одним из наиболее интересных памятников Скифии, раскрывающим эту тему, является курган Солоха, расположенный на левом берегу Днепра близ Каменки-Днепровской (Запорожская область). В 1912-1913 гг. он был исследован Н.И.Веселовским. Курган является одним из наиболее репрезентативных в вещественном плане скифским царским курганом, занимая уникальное место среди других подобных памятников. Уникальность его неоднократно отмечалась исследователями [Алексеев, 2003, с. 231]. Это объясняется как тем, что он оказался не полностью разграбленным, так и особенностями предметов, сохранившихся в этом кургане. Много лет коллекцию находок из Солохи изучала А. П. Манцевич (1899 - 1982), посвятившая этому более 40 лет. Лишь в 1987 г., после смерти исследовательницы, были опубликованы материалы кургана. В предисловии Анастасия Петровна отмечала: «Комплекс кургана Солоха — документ огромной важности. Для его изучения потребовалось использование специальной литературы в различных отраслях исторической и археологической науки. Поиски привели к интересным и важным результатам. Они открыли тесные связи Северного Причерноморья с областью на севере Балканского полуострова» [Манцевич, 1987, с. 7]. Изучение кургана Солоха способствовало началу обширной и дискуссионной проблемы взаимосвязей Скифии и Фракии в V – III вв. до н.э. Многие идеи Анастасии Петровны относительно этих контактов, их материального воплощения, не встретили одобрения ее коллег

² Иранские черты проявляются в искусстве, а также находят отражение и в других аспектах культуры описов [Archibald, 1998, p. 5].

³ В этот период рассматривались различные аспекты роли фракийцев в истории скифских степных племен в разные исторические периоды. Однако, многие важные вопросы так и остались нерешенными. Главным образом речь шла о фракийском субстрате в Северном Причерноморье, который рассматривался в рамках «киммерийской проблемы». Между тем, не меньшее значение имеет также проблема контактов фракийцев во Фракии со скифами [Мелюкова, 1975, с. 63].

⁴ В рамках этих исследований также проходила дискуссия вокруг происхождения высокохудожественных произведений торевтики из скифских царских курганов конца V – начала III вв. до н.э., в которой А.П. Манцевич отстаивала гипотезу о их фракийском и/или македонском происхождении [Мелюкова, 1975, с. 66].

[Мелюкова, 1975, с. 66], однако, как было отмечено в послесловии все той же книги Манцевич редакцией, подготовившей ее к изданию: Анастасия Петровна «оказалась, несомненно, права в одном: взаимовлияние скифского и фракийского мира было значительно более глубоким, чем это обычно представлялось» [Манцевич, 1987, с. 124].

Курган Солоха датируется сегодня концом V в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 231]. Набор предметов из кургана демонстрирует близкие аналогии фракийским памятникам, хотя эти изделия не идентифицируются как собственно фракийские. Особенное внимание привлекает серебряный килик с надписью ЛΥΚΟ и гравированным рисунком из первичной могилы [Манцевич, 1987, с. 34, 35]. По мнению исследовательницы, это имя скифского аристократа, похороненного в первичной погребальной камере [Манцевич, 1987, с. 118]. А. Ю. Алексеев отметил, что надписи на скифской парадной посуде весьма редки, но чрезвычайно широко распространены во Фракии в конце V – первой половине IV вв. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 231]. Также, он привел аргументы в пользу того, что курган Солоха является погребением братьев Октамасада и Орика [Алексеев, 2003, с. 232]. В таком случае, возможно, эти предметы вполне уместно рассматривать, как дары фракийского аристократа своему скифскому родичу. В любом случае, не свойственные скифам традиции подписи драгоценных предметов, по всей видимости, отражают тесные контакты между аристократическими кругами Северного Причерноморья и Северных Балкан в конце V в. до н.э. Это не вызывает удивления, учитывая данные античной письменной традиции, раскрывающей ряд важных эпизодов истории этих регионов в предшествующий период. Сближение правящей верхушки двух держав стало, в свою очередь, результатом тех событий, которые имели место в предшествующий период, наполненный военными столкновениями и дипломатическими контактами.

Археологический материал, как мы видим на примере кургана Солоха и других подобных памятников в Скифии и Фракии, свидетельствует, что эти контакты были более разносторонними и активными, нежели засвидетельствовано письменной традицией. В свете этих данных особый интерес представляют династические связи скифской и одрисской аристократии.

Генеалогическая история правящего рода Одрисского царства во Фракии полна темных и белых пятен. Наши источники довольно редко предоставляют связные сведения о родственных связях фракийских царей. Между тем, понимание генеалогических связей позволяет понять сложные хитросплетения внутривосточной жизни фракийцев, что объясняет неослабевающий интерес к этой теме исследователей, изучающих фракийскую историю (вот лишь краткий перечень трудов, посвященных в той или иной степени этому вопросу: Höck, 1891, S. 76-117; Добруски, 1897; Head, 1911; Михайлов, 1972 (переиздание 2015); Archibald, 1998; обзор историографии: Топалов, 2014, с. 221-258.). В равной степени, перед нами открываются перспективы раскрытия через генеалогию внешнеполитической истории. И здесь особенно перспективными видятся именно скифо-одрисские связи.

Более-менее ясно перед нами предстает семейное древо первых трех поколений

этой державы (рис. 1). Геродот называет нам царя одрисов Терeya и его детей: царя Ситалка, его безымянного сына и дочь, ставшую женой скифского царя Ариапифа и матерью царя скифов Октамасада (Hdt. IV, 80). Фукидид уточняет, что родоначальника династии правильно называть Тересом, а не Тереем, и что он был «первым основателем великого Одрисского царства» (Thuc. II, 29, 1-2). Историк добавляет к этому списку имена членов семьи царя Ситалка: его сына Садока (Thuc. II, 29, 5), племянника и наследника Ситалка – Севта I, а также его отца Спарадока⁵ (Thuc. II, 101, 5). Он же упоминает о браках Ситалка на сестре Нимфодора из Абдер (Thuc. II, 29, 1) и Севта на Стратонике, сестре македонского царя Пердикки II (Thuc. II, 101, 6). О Садоке, афинском гражданине и сыне Ситалка, упоминает также Аристофан (Aristoph. Acharn. 145-147), а сходя к 145 строке «Ахарнян» (Aristophanes, Acharn. Scholia Ad 145) приводит невнятную информацию о том, что сына Ситалка звали Садоком, Ситалком и Тересом. Традиционно, эту странную фразу трактуют как указание на то, что у Ситалка было три сына [Archibald, 1998, pp. 104].

В отрыве от этой стеммы находятся сведения Ксенофонта, Демосфена, других авторов IV в. до н.э., эпиграфических и нумизматических источников, называющие целый ряд представителей царского дома одрисов в период с 407 по 340 гг. до н.э. Сочетание данных письменной традиции, эпиграфики и нумизматики позволяет нам с относительной точностью восстановить родственные связи этих правителей конца V – IV вв. до н.э. Начиная с конца V столетия на монетах одрисских правителей начинают появляться символы, которые можно условно охарактеризовать как династические [Златковская, 1971, с. 231]. Изучение этих символов и их сопоставление с другими данными указывают на то, что в этот период фракийской истории особенное значение приобретают две ветви царского рода потомков Тереса (далее – Тересиды), которые характеризуются С. Топаловым как «старший» и «младший» кланы. Монеты «старшего клана» (к которому принадлежали Гебридзельм, Котис I и Керсеблепт) были сосредоточены соответственно к востоку от нижнего течения реки Марицы и Тунджи, в районе Эдирне и на побережье Пропонтиды. Их семейным символом служил сосуд с двумя ручками⁶. Относительно происхождения этой ветви Тересидов в историографии нет единого мнения. Часть исследователей традиционно связывает этих правителей с упомянутым Ксенофонтом «архонтом Приморской области» Севтом II сыном Месада (Xen. Hell. III, 8.25-8.28; Anab. VII). Другие исследователи, к числу которых принадлежит также автор этих строк, склонны возводить правителей «старшего клана» к Спарадоку и его сыну Севту I⁷.

⁵ Спарадок, очевидно, приходился братом Ситалку. Его часто отождествляют с безымянным братом Ситалка, упомянутым Геродотом, однако это представляется нам не верным [Анисимов, 2022б, с. 183-198]. Не все согласны с тем, что Спарадок и Ситалк были братьями [Котова, 2016, с. 161-168].

⁶ Наиболее подробно эта проблема была разработана С. Топаловым [Топалов, 1994].

⁷ Проблемы генеалогии этой ветви царей одрисов были рассмотрены автором в специальной работе [Анисимов, 2022в, с. 12-18].

Сложнее обстоит дело со второй линией одрисских царей, символом которых был двусторонний топор лабрис. К этой линии принадлежали цари с именами «Медок», «Амадок» и «Терес», действующие в 407 – 340 гг. до н.э. Родственные связи этих правителей друг с другом частично выявляются на основании прямых указаний письменных источников, частично реконструируются на основании нумизматических данных и последовательности правления (рис. 2).

Основная проблема состоит в определении количества правителей этой линии. Феопомп упоминал, что было два правителя по имени «Амадок», которые приходились друг другу отцом и сыном (Theop. fr. 109). Амадок – сын (далее Амадок II) надежно отождествляется с правителем, который правил одной из частей распавшегося Одрисского царства 357 – 352 гг. до н.э. (Dem. XXIII, 8, 10-11, 171-179, 183). В свою очередь, Амадок – отец отождествляется со «старым Амадоком», которого восхваляет Исократ в речи к Филиппу II (Isoc. V, 6) и «царем Амадоком», упоминаемым Ксенофонтом в «Греческой истории» (Xen. Hell. IV, 8, 26) и Аристотелем (Arist. Pol. V, 1312a). Договор, упомянутый Ксенофонтом, и датированный 389\388 г. до н. э. сохранился во фрагментарной надписи из Афин (IGr II (2), 1, 22a).

Широко распространено мнение, что Амадок Старый – это царь одрисов Медок, оказывающий покровительство Алкивиаду (Diod. XIII, 105, 3) и Севту II (Xen. Anab., VII, 2, 32; VII, 2, 16). Известны также монеты с именем «Меток» (МНТОК) и две отличные друг от друга серии монет с именем «АМАТОКО» [Тачева, 2006, с. 88-96, 106-121]. Исходя из того, что с одной стороны Ксенофонт в одном труде упоминает «Медока», а в другом «Амадока», а с другой стороны у нас есть монеты, отчеканенные от имени одного и второго, можно уверенно говорить, что «Амадок Старый» и «Медок» – разные лица. М. Тачева показала, что именно с Амадоком I (Амедоком) необходимо связывать также надпись с одрисско-афинским договором (IGr II (2), 1, 22a), где перед именем правителя (-МНДОК--) сохранилась лагуна для еще одной буквы, как и в упомянутом в той же надписи имени «Ситалк» (-ΙΔΑΛΚ) [Тачева, 2006, с. 109-110]. В свою очередь указание Феопомпа делает необоснованными попытки связывать все серии монет АМАТОКО с одним правителем. Таким образом, можно уверенно говорить о существовании трех царей: Медока, Амадока Старого и Амадока II.

Как показал С. Топалов, монеты этих трех правителей, а также монеты царя Тереса II (Dem. XII, 8, 10) объединены не только символикой, но также локализованы на одной территории в верхнем течении рек Марица и Тунджа [Топалов, 2006, с. 29-45]. Таким образом, хронологическая последовательность их правления (Медок – Амадок Старый – Амадок II – Терес II) вполне уверенно позволяет восстановить родственную связь между этими правителями. Терес II мог быть сыном или братом Амадока II⁸.

Намного сложнее определить место этой династической линии на родовом древе

⁸ Т.Д. Златковская ошибочно причисляет к числу правителей этой ветви также еще одного Тереса, называя его Терес II, а Тереса II, преемника Амадока, считает Тересом III [Златковская, 1971, с. 231].

одрисских царей. Решение этой проблемы представляется на первый взгляд делом безнадежным. Медока представляли сыном Тереса, Ситалка, Спарадока, Садока, некоего безымянного сына Тереса и т.д. [Топалов, 2014, с. 221-258]. В большинстве случаев все это носило умозрительный характер.

Нам представляется, что ключ к решению этой проблемы кроется в имени «Амадок». Помимо именослова фракийской аристократии это имя встречается также в связи с образом мифического народа гипербореев⁹, а также в перечне племен Северного Причерноморья. Гелланик Лесбосский, современник Геродота, называет амадоков среди скифских племен (Hellan. fr. 170). Позднее амадоков, одноименные город, озеро и горы вновь упоминает Клавдий Птолемей во II в. н.э. (Кл. Ptol. III. 5. 5-6, 10, 14). Из данных римского географа следует вывод, что амадоки проживали в лесостепной зоне от Среднего Поднепровья до истоков Южного Буга, примерно там же, где Геродот помещал своих «скифов-пахарей» [сравните: Зубарев, 2005, с. 178 след.]. Озеро Амадока соответствует озеру в истоках Гипаниса, о котором сообщает «отец истории». Вероятно, Птолемей мог получить сведения о стране амадоков из некоего более раннего источника. На то, что амадоки или их часть могли покинуть Среднее Поднепровье, указывают координаты города Амадока, который мы можем отождествить с одним из т.н. «позднескифских городищ» Нижнего Поднепровья.

Данные Гелланика однозначно указывают на то, что скифские амадоки были древнее одрисских царей с этим именем. В связи с этим, представляется более чем вероятным, что Амадок I получил имя в честь скифского народа амадоков. Аналогичным образом получил свое имя аристократ Скифодок, похороненный в кургане V в. до н.э. Голямата могила у с. Дуванлий [Лазаренко, 2015, с. 88; Анисимов, 2022а, с. 20-30]. С иранским влиянием связывают некоторые исследователи появление целого ряда т.н. «царских имен». К ним относятся «Спарадок», «Спарток», «Медок», «Амадок», «Садок», «Берисад» («Перисад»), «Садал», «Сараток» [Тачева, 2006, с. 25; Гиндин, 1981, с. 62-63; Крыкин, 1993, с. 78-79]. Скифские корни гипотетически иранских имен представляются более надежными, тем более, что о родственных связях между одрисской и скифской знатью сохранилось прямое указание источников (Hdt. IV, 80). Логично предположить, что браком скифского царя Ариапифа на дочери одрисского царя Тереса I в первой половине V в. до н.э. дело не ограничилось.

Наиболее вероятным временем заключения подобного династического союза одрисского аристократа со знатью далекого скифского племени было пребывание в Скифии безымянного сына Тереса I, что открывает перед нами возможность идентификации этого представителя одрисского царского рода с родоначальником той ветви Тересидов, к которым принадлежал Амадок Старый. В отечественной историографии уже предпринимались попытки отождествления «Безымянного сына» с одрисским правителем Спарадоком, известным благодаря Фукидиду и монетам [Виноградов, 1989, с. 117; Алексеев, 2003, с. 222-223; Anochin, 1998, S. 41-42;

⁹ Призрак гиперборей Амадока защищал по преданию Дельфы от вторжения галатов (Paus. IV, 4).

Сапрыкин, 2018, с. 547]. Слабость подобных построений со всей очевидностью продемонстрировал А.Н. Васильев [Васильев, 1999, с. 106-111]. Критику этой гипотезы, а также возможное объяснение родственных связей между Спарадоком и Спартоком Боспорским предложил в свое время также автор этих строк [Анисимов, 2022б, с. 183-198].

Учитывая все сказанное выше о родственных связях этого царя, на роль «Безымянного» царевича в первую очередь логично предложить Медока. Об этом царе известно очень немного. Он впервые упоминается около 407 г. до н.э., как один из фракийских царей, оказавших покровительство Алкивиаду (Diod. XIII, 105, 3). Около 400 г. до н.э. он отпустил Севта II, дав ему отряд воинов, чтобы попытаться вернуть утраченные прежде земли восставших в прежние времена против одрисов племен (Xen. Anab. VII, 2, 32). Восставшие изгнали одрисского правителя Месада, который вскоре умер, а его сына Севта II взял на воспитание Медок, еще не бывший тогда царем. Учитывая, что уже в 391 г. до н.э. царем одрисов выступает Амадок I, против которого восстал Севт II, смерть Медока должна датироваться около 399-391 гг. до н.э.

Косвенные данные указывают на значительный возраст Медока в период его правления. Довольно длительное время он воспитывал Севта II¹⁰. В описании Ксенофонта Медок выглядит явно не слишком активным политиком, в сравнении со своими предшественниками и преемниками. Правление его едва ли было длительным (он должен был прийти к власти незадолго до 407 г. до н.э.), что косвенно подтверждается и немногочисленностью его монет. Его наследник именуется «старым». Все это позволяет предполагать, что Медок мог быть одним из младших сыновей Тереса I (рис. 3), а, следовательно, тем безымянным братом, который боролся с Ситалком в начале его правления около 447-444 гг. до н.э. [Анисимов, 2023, с. 5-11]. Поражение в этой борьбе, бегство в Скифию и последующее насильственное возвращение обратно объясняют, почему Медок не унаследовал власть непосредственно после гибели Ситалка в 424 г. до н.э., уступив первенство сыну Спарадока Севту I (Thuc. II, 101; IV, 101). Высокое положение сына Спарадока при дворе Ситалка, а также монеты самого Спарадока указывают на то, что он был царем, правящим между Тересом I и Ситалком [Анисимов, 2022б, с. 187-188]. Медок, таким образом, оказался отесненным более могущественными и влиятельными родичами. Кризис, охвативший Одрисскую державу в последней четверти V в. до н.э. вновь открыл ему и его потомкам дорогу к престолу.

В свете сказанного о династических связях Медока и Амадока «Старого» со скифами можно было бы ожидать какого-то оживления контактов Одрисского царства с Северным Причерноморьем. Однако, насколько можно судить по письменным источникам и доступным публикациям раскопок, наблюдается лакуна

¹⁰ События, которые привели к изгнанию и смерти Месада, отца Севта II, мы склонны датировать около 424-416 гг. до н.э. [Анисимов, 2017, с. 109-112; Анисимов, 2020а, с. 179-187].

в сведениях о таких контактах именно в период первой половины IV в. до н.э.

По мнению С.И. Андрух, устойчивые политические связи двух царств, сложившиеся во второй четверти V в. до н.э., сменились конфликтами между ними в конце этого столетия или начале следующего [Андрух, 1995, с. 93]. Однако, следует отметить, что у нас нет каких-либо непосредственных указаний на подобные конфликты. Сама исследовательница приводит в качестве аргумента упоминание о победе фракийцев в ожесточенном сражении над скифами в трагедии «Рес», включенной в античные времена в состав пьес Еврипида. Однако, мы не можем с уверенностью судить о том, насколько исторично описание античного трагика, а также к какому времени его следует относить. В литературе высказывались мнения как в пользу того, что трагедия в такой форме зафиксировала столкновение Ситалка со своим племянником [Goossens, 1965, p. 252; Vickers, 2010], так и то, что сражение нужно относить ко времени правления Котиса I [Радциг, 1982, с. 273-274; Андрух, 1995, с.15-16]. К сказанному можно, впрочем, добавить, туманное заверение Фукидида о превосходстве скифов над фракийцами в военном отношении (Thuc. II, 97, 5). К сожалению афинский историк не упоминает о том, на основании чего он делает такое умозаключение – имели ли место какие-то конкретные события, либо это его субъективное мнение.

В литературе высказывалось, что в IV в. до н.э. фракийское влияние на скифскую элиту становится более определенным [Алексеев, 2003, с. 231]. Речь идет как об отдельных предметах, так и о влиянии художественного стиля. Впрочем, на деле речь идет о конкретных находках из элитных скифских захоронений. Весьма любопытно, что это влияние особенно сильно проявляется в последней трети столетия, судя по датировкам таких скифских памятников, как курганы Огуз (центральное погребение - 340 – 315 гг. до н.э.; позднейший комплекс - 330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.), Козел (330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.), Краснокутский (330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.), Хомина Могила (330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.) и другие [Алексеев, 2003, с. 277].

Логичным было бы связывать это явление с тем, что часть скифов в этом столетии проникает во Фракию. Вероятно, около 350-340 гг. до н.э. в Северо-восточной Фракии пытался закрепиться скифский царь Атей, боровшийся с трибаллами (Polyen. VII. 44, 1; Front. II, 19). Ему удалось наладить тесные отношения с рядом западнопонтийских полисов, но с византийцами у него возникли какие-то противоречия [Андрух, 1995, с. 71 след.]. В 339 г. до н.э. Атей был вынужден вести тяжелую войну с загадочным народом истриан, а сразу после этого с македонским царем Филиппом II. В ходе последней войны скифский царь погиб, а скифы были вынуждены покинуть Фракию (Just. IX, 2). В 331 или 324 г. до н.э. скифы столкнулись с македонским наместником Фракии Зопирионом, войско которого было разгромлено в ходе похода в Северное Причерноморье (Trog. Ep. Prol. XII; Just. II, 3.4; XII, 1.4-1.5; XII, 2.16; XXXVII, 3.2; Curt. X, 1.43–1.45). Уже в 313 г. до н.э. они снова присутствуют в Добрудже, поддерживая восстание западнопонтийских полисов против македонско-

го военачальника Лисимаха, одного из диадохов Александра Великого. Лисимаху удалось нанести поражение своим противникам и изгнать их за Дунай (Diod. XIX. 73, 5). Однако, находки из курганов скифских аристократов, на наш взгляд, скорее указывают не на военную добычу, а на свидетельство мирных контактов с фракийской элитой. Ярким примером того, что связи одрисов со скифами не канули в Лету после того, как одрисы потеряли независимость в следствии разгрома их царей Филиппом II в 342 - 340 гг. до н.э., служат события 313 г. до н.э., когда против Лисимаха выступают и скифы, и одрисский царь Севт III (Diod. XIX. 73, 5). К аналогичному выводу пришла в свое время А.И. Мелюкова [Мелюкова, 1995, с. 36]. Там же исследовательница отметила возможность изготовления фракийскими мастерами некоторых изделий, сочетающих скифские и фракийские черты. Появление таких мастеров в 340-х – 310-х гг. до н.э. представляется вполне вероятным, учитывая македонское завоевание Одрисского царства и последующие за этим военные операции македонских царей против скифов и трибаллов.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в полной мере тема скифо-фракийских и особенно скифо-одрисских контактов еще не раскрыта. Для достижения этой цели предстоит большая работа. Необходимо внимательно анализировать вещевой состав скифских и фракийских аристократических курганов. При этом внимание следует уделять драгоценным сосудам балканского происхождения. Практика дипломатических контактов фракийцев включала дары такой формы. Это хорошо видно на примере находок из Нижнего Подунавья, представляющих собой дары одрисских царей вождям трибаллов и гетов. К той же серии находок, возможно, следует отнести драгоценные сосуды из кургана Солоха. Письменные источники позволяют говорить о достаточно тесных связях скифов и одрисов в V в. до н.э. и во второй половине IV в. до н.э. Геродот зафиксировал полуфракийское происхождение скифского царя Октамасада, однако есть основания, позволяющие утверждать также полускифское происхождение ряда одрисских царей и их родственников (Скифодок, Амадок I и его потомки Амадок II и Терес II). Имя «Амадок» при этом свидетельствует о том, что родственные связи существовали не только с правящим царским родом скифов, но и с локальными элитами отдельных скифских племен. Уже в силу этого, как думается, нам пока предстоит в полной мере оценить значение фракийско-скифских связей в их политической истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. 417 с.
- Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье: Запорожский государственный университет, 1995. 199 с.
- Анисимов К.А.* Кризис Одрисского царства: проблемы датировки // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» «Туйское Образовательное Пространство». 2017. №1. С. 109-112.
- Анисимов К.А.* Сюжет афинско-фракийского военного столкновения в произведении Полиэна // Древний мир: История и археология: рецензируемый сборник научных статей. Труды

Международной научной конференции «Дьяковские чтения», Москва, МПГУ, 7 декабря 2019 г. Москва, 2020. С. 179-187.

Анисимов К.А. Внутренние и внешние аспекты образования Одрисского царства и проблема локализации первоначальной племенной территории одрисов // Исторический Формат. №4. 2020. С. 98-114.

Анисимов К.А. Дипломатия одрисов: между скифами и персами // Тульский научный вестник. Секция История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 20-30.

Анисимов К.А. Забытый фракийский царь Спарадок // Thracia Balcanica. № 1. 2022. С. 183-198.

Анисимов К.А. Котис I. Происхождение // Классическая и византийская традиция. 2022: сборник материалов XVI международной научной конференции. С. 12-18.

Анисимов К.А. К вопросу о распаде Одрисского царства в начале правления царя Ситалка // Византийский альманах. Белгород, 2023. С. 5-11.

Анисимов К.А. Амадоки и Одрисы. Об одном вопросе генеалогии одрисских Тересидов // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России: Материалы научной археологической конференции. Симферополь, Керчь, 2024. С. 16-22.

Васильев А.Н. Одрисский династ во главе Боспоре? // Боспорский Феномен. 1999. С. 106-111.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М.: Наука, 1989. 288 с.

Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София: Изд-во Болгарской АН, 1981. 240 с.

Добруски В. Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царе. София: Държавна печатница, 1897. 85 с.

Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев VII-V вв. до н.э. М.: Наука, 1971. 267 с.

Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки Славянской Культуры, 2005. 504 с.

Котова Д. Спарадок и родство му със Ситалк // Thracia XXI. София, 2016. С. 161-168.

Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 330 с.

Лазаренко И.Ю. Скитите в Тракия (VII в. пр. н. э.—I в. от н. э.). Том. Часть 1. Варна: Онгъл, 2015. 406 с.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство: Ленинградское отделение. 1987. 141 с.

Мелюкова А. И. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских скифских племен с фракийцами в советской науке // Фрако-скифские культурные связи. София: Издательство Болгарской Академии наук, 1975. С. 54 – 68.

Мелюкова А. И. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV – III вв. до н.э. // Российская Археология, 1995. №1. С. 28 – 36.

Михайлов Г. Траките. София: Изд-во Нового Българского университета, 2015. 588 с.

Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1982. 487 с.

Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.-СПб: Изд-во РХГА, 2018. 743 с.

Тачева М. Царете на древна Тракия. Книга първа. София: АГАТО. 2006. 248 с.

Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.э. Ч. I. София: Самиздат, 2006. 459 с.

- Топалов С.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София: Самиздат, 2014. 687 с.
- Топалов С.* Одриското царство от края на V до средата на IV в. пр. н.е. Приноси към проучване на монетосеченето и историята му. София: Самиздат, 1994. 188 с.
- Топалов С.* Племена и владетели от земите на Одриското царство и граничните му югозападни територии от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Приноси към проучване монетосеченето и историята на Древна Тракия. София: Самиздат, 1998. 359 с.
- Anochin V.* Die Pontische Expedition des Perikles der Kimmerische Bosporos (437 v Chr) // Stephanos Nomismatikos. 1998. S. 33-43.
- Archibald Z.* The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford: Clarendon Press, 1998. 371 p.
- Goossens R.* Euripide et Athènes. Brussels: Palais des Académies, 1962. 772p.
- Head B. V.* Historia numorum, a manual of Greek numismatics. Oxford, 1911. 813 p.
- Höck A.* Das Odrysenreich in Thrakien: Im Fünften und Vierten Jahrhundert v. Chr // Hermes 26 (1). 1891. P. 76-117.
- Vickers M.* Hagnon, Amphipolis and Rhesus // Ergasteria: Works Presented to John Ellis Jones on his 80th Birthday. Gdank, 2010. P. 75-81.

REFERENCES

- Alekseev A.Iu. Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII-IV vv. do n.e. Sankt-Peterburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. 417 p.
- Andrukh S.I. Nizhnedunaiskaia Skifia v VI – nachale I v. do n.e. (etnopoliticheskii aspekt). Zaporozh'e: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet, 1995. 199 p.
- Anisimov K.A. Krizis Odrisskogo tsarstva: problemy datirovki. Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO» «Tul'skoe Obrazovatel'noe Prostranstvo», 2017, №1, pp. 109-112.
- Anisimov K.A. Siuzhet afinsko-frakiiskogo voennogo stolknoveniia v proizvedenii Poliena. Drevnii mir: Istoriiia i arkheologiiia: retsenziruemyi sbornik nauchnykh statei. Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «D'iakovskie chteniia», Moskva, MPGU, 7 dekabria 2019 g. Moskva, 2020, pp. 179-187.
- Anisimov K.A. Vnutrennie i vneshnie aspekty obrazovaniia Odrisskogo tsarstva i problema lokalizatsii pervonachal'noi plemennoi territorii odrisov. Istoricheskii Format, №4, 2020, pp. 98-114.
- Anisimov K.A. Diplomatiiia odrisov: mezhdru skifami i persami. Tul'skii nauchnyi vestnik. Sektsiia Istoriiia. Iazykoznanie, 2022, vol. 2 (10), pp. 20-30.
- Anisimov K.A. Zabytyi frakiiskii tsar' Sparadok. Thracia Balcanica, 2022, № 1, pp. 183-198.
- Anisimov K.A. Kotis I. Proiskhozhdenie. Klassicheskaiia i vizantiiskaiia traditsiia: sbornik materialov XVI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Belgorod 2022, pp. 12-18.
- Anisimov K.A. K voprosu o raspade Odrisskogo tsarstva v nachale pravleniia tsaria Sitalka. Vizantiiskii klub. Al'manakh. 2023, pp. 5-11.
- Anisimov K.A. Amadoki i Odrisy. Ob odnom voprose genealogii odrisskikh Teresidov. XXV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy issledovaniia drevnostei iuga Rossii: Materialy nauchnoi arkheologicheskoi konferentsii. Simferopol', Kerch', 2024, pp. 16-22.
- Vasil'ev A.N. Odrisskii dinast vo glave Bospore? Bosporskii Fenomen. 1999, pp. 106-111.

- Vinogradov Iu.G. Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII-I vv. do n.e. Moskva, Nauka, 1989, 288 p.
- Gindin L.A. Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan (frako-khetto-luviiskie i frakomaloaziiskie izoglossy). Sofiia, Izd-vo Bolgarskoi AN, 1981, 240 p.
- Dobruski V. Istoricheski pogled v»rkuhу numizmatikata na trakiiskite tsare. Sofiia, D»rzhavna pečatnitsa, 1897. 85 p.
- Zlatkovskaia T.D. Voznikovenie gosudarstva u frakiitsev VII-V vv. do n.e. Moskva, Nauka, 1971. 267 p.
- Zubarev V.G. Istoricheskaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii. Moskva, Iazyki Slavianskoi Kul'tury, 2005, 504 p.
- Kotova D. Sparadok i rodstvo mu s»s Sitalk. Thracia XXI. Sofiia, 2016, pp. 161-168.
- Krykin S.M. Frakiitsy v antichnom Severnom Prichernomor'e. Moskva, Prometei, 1993. 330 p.
- Lazarenko I.Iu. Skitite v Trakii (VII V. PR. N. E.–I V. OT N. E.). Tom. Chast 1. Varna, Ong»l, 2015, 406 p.
- Mantsevich A.P. Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kolleksi. Leningrad, Iskusstvo: Leningr. otdnie, 1987, 141 p.
- Meliukova A. I. Itogi i zadachi izuchenii vzaimosviazei kimmeriiskikh skifskikh plemen s frakiitsami v sovetsoi nauke. Frako-skifskie kul'turnye sviazi. Sofiia: Izdatel'stvo Bolgarskoi Akademii nauk, 1975, pp. 54 – 68.
- Meliukova A. I. Novye dannye o skifo-frakiiskikh vzaimootnosheniakh v IV – III vv. do n.e. Rossiiskaia arkheologiia, 1995, №1, pp. 28 – 36.
- Mikhailov G. Trakite. Sofiia: Izd-vo Novogo B»lgarskogo universiteta, 2015, 588 p.
- Radtsig S.I. Istoriia drevnegrecheskoi literatury. Moskva, Vysshhaia shkola, 1982. 487 s.
- Saprykin S.Iu. Drevnee Prichernomor'e. Moskva - Sankt-Peterburg, Izd-vo RKhGA, 2018, 743 p.
- Tacheva M. Tsarete na drevna Trakii. Kniga p»rva. Sofiia, AGATO, 2006, 248 p.
- Topalov S. K»m politicheskata istoriia na Odriskoto tsarstvo ot kraia na VI do sredata na IV v. pr. n.e. Ch. I. Sofiia, Samizdat, 2006, 459 p.
- Topalov S. K»m politicheskata istoriia na Odriskoto tsarstvo ot kraia na VI do sredata na IV v. pr. n.e. Ch. II. Sofiia, Samizdat, 2014. 687 p.
- Topalov S. Odriskoto tsarstvo ot kraia na V do sredata na IV v. pr. n.e. Prinosi k»m prouchvane na monetosecheneto i istoriata mu. Sofiia, Samizdat, 1994, 188 p.
- Topalov S. Plemena i vladeteli ot zemite na Odriskoto tsarstvo i granichnite mu iugozapadni teritorii ot kraia na VI do sredata na IV v. pr. n.e. Prinosi k»m prouchvane monetosecheneto i istoriata na Drevna Trakii. Sofiia, Samizdat, 1998, 359 p.

Резюме

Статья посвящена проблеме дипломатических и династических связей фракийцев – одрисов со Скифским царством и элитами отдельных скифских племен в V – IV вв. до н.э. Как правило эти связи рассматриваются сквозь призму данных письменных источников о судьбе скифских царей и войн скифов с македонскими военачальниками последней трети IV в. до н.э. Материальные свидетельства, указывающие на такие тесные связи, чаще используются в специальных работах по вопросам скифского и фракийского искусства. Общую картину дополняют имена одрисских аристократов, которые демонстрируют куда более тесные и разносторонние связи верхушек Одрисского царства и скифских племен. Помимо широко известного в узких кругах имени «Скифодок», к числу таковым относится имя «Амадок». В

статье предлагается гипотеза, что изучение скифо-одрисских связей позволяет также полнее восстановить пробелы в генеалогии царского рода одрисов.

Ключевые слова: Фракия, фракийцы, одрисы, скифы, Амадок, генеалогия, амадоки.

Summary

The article is devoted to the problem of diplomatic and dynastic relations of the Thracian Odrysians with the Scythian Kingdom and the elites of some Scythian tribes in the 5th - 4th centuries BC. As a rule, these ties are considered through the prism of written sources about the fate of the Scythian kings and the wars of the Scythians with the Macedonian commanders in the last third of the 4th century BC. Material evidence pointing to such close ties is more often used in special works on Scythian and Thracian art. The general picture is supplemented by the names of Odrysian aristocrats, which demonstrate much closer and more versatile ties between the upper classes of the Odrysian kingdom and the Scythian tribes. In addition to the name "Scythodokos", which is widely known in narrow circles, the name "Amadokos" is among them. The article proposes a hypothesis that the study of connections Scythian and Odrysian also allows to restore more fully the gaps in the genealogy of the royal family of Odrysian.

Key words: Thrace, Thracians, Odrysians, Scythians, Amadokos, genealogy, Amadoks.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Константин Александрович
преподаватель кафедры
истории и археологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
аспирант кафедры всеобщей истории
НИУ «БелГУ».
+7 – 950 – 909 – 5908
anisimov.cos@yandex.ru

AUTHOR INFORMATION

Konstantin A. Anisimov
Lecturer at the Department
of History and Archaeology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
postgraduate student
of the Department of General History
Belgorod State University
+7 – 950 – 909 - 5908
anisimov.cos@yandex.ru

Рис. 1. Родственные связи известных представителей Одриского царского Дома по данным Геродота, Фукидида, Аристофана и его схолиаста.

Рис. 2. Предполагаемая стемма т.н. «Младшего клана» одриских царей.

Рис. 3. Генеалогическое древо царского Дома одрисов V – IV вв. до н.э.